

барышень, Катя, показана более подробно, и тут выясняется, что она «розовая, свежая, вкусная» — прямо не девушка, а булочка из печки! К полковым дамам Куприн совершенно безжалостен: мадам Тальман — «нежная, толстая, рассыпчатая блондинка», «похожая на большую нарядную куклу», танцует «с величавым спокойствием каменного монумента»; у жены полковника Шульговича «лицо было простоватое и производило такое впечатление, будто его наспех, боком, выпекли из теста, воткнув изюминки вместо глаз». В общем, портреты дам таковы, что кажется, речь идет не о женщинах, а об изделиях из теста. Из всех полковых дам наиболее подробно обрисована Раиса Александровна Петерсон — хитрая, лживая, развратная. И это тоже не женщина, а актриса: она не говорит, а вещает «с преувеличенным театральным сарказмом», «с певучей томностью», «с напускным чувством», да вдобавок ко всему у нее еще и голос неестественный — «насморочный», «как будто у нее хронический насморк или полип в носу». И даже Шурочка, идеальная любовь Ромашова, его «голубая радость», жена поручика Николаева (примечательно, что Куприн ни разу на протяжении всего повествования не называет Шурочку «полковой дамой»), даже она во время последнего свидания с Ромашовым превращается в бесчувственный манекен, в марионетку, предавшую свою любовь и расчетливо подготовившую убийство любимого человека: «Ромашов видел, как и тогда в роще, что лицо Шурочки светится странным белым светом, словно лицо мраморной статуи». Но тогда, в роще, все для Ромашова было чудесной сказкой, а Шурочка была светлым лесным Эльфом, — чутким, прекрасным, обворожительным. Теперь же у нее лицо «мраморной статуи» — холодной и бесчувственной. Ясно, что и Шурочка перестала быть человеком.

Линия обреченности человеческого в человеке в условиях царской армии прослеживается и в образах солдат в «Поединке» — как отдельных персонажей, так и особенно всей солдатской массы. Вот солдат Хлебников — «жалкий, заморенный человек, почти карлик», у него «грязное безусое лицо в кулачок и бессмысленные глаза», «в которых как будто раз навсегда, с самого рождения, застыл тупой, покорный ужас». На занятиях он не может выполнить простое гимнастическое упражнение и беспомощно висит на перекладине, «безобразный, неуклюжий, точно удавленник». Куприн неоднократно подчеркивает забитость, обезличенность, униженность всех солдат, этой «серой скотинки», которых армия лишает обычных качеств нормальных, живых, естественных людей: у солдат «серые, однообразные лица» (Ромашов вспоминает, что, когда их только «пригнали» в полк, у всех у них были разные лица); Ромашов видит перед собой в строю «сотни серых Хлебниковых с их однообразно-покорными и обесмысленными лицами». В «Поединке» почти не слышно живых голосов солдат: если они говорят, то «деревянным, сдавленным, бессмысленным криком», даже в их пляске и пении «что-то деревянное, мертвое, от чего хотелось плакать».

Итак, все эти люди-звери, люди-мертвецы, люди-вещи, женщины-актрисы или изделия из теста, солдаты — серая скотинка, то есть люди, лишенные человеческих качеств, — все это разрушение личности, которое связано с условиями общественной жизни того времени. Куприн отдельными штрихами сумел показать живых узнаваемых людей и наметить глубокие социальные обобщения, так как все простые, достоверные детали-характеристики выстроились у него в продуманную систему, оказались единственно возможными и совершенно необходимыми. Сравнение «Поединка» с ранними произведениями показывает, как возмужал талант Куприна, как стал художник четок и строг не только в отборе языковых средств, но и в их организации.

Столь же большая работа была проделана А. И. Куприным и в области словесного пейзажа. Здесь он многому научился у И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого. Уже ранние пейзажи Куприна обратили на себя внимание особой живописностью, тонким лиризмом, удивительной цветовой зримостью, прозрачной светописью. Куприн с самого начала